

В тот год, когда Зойка пошла в шестой класс, привезли собаку. Привез дедушкин зять — дядя Софрон. Он был для Зойки каким-то загадочным человеком. Загадочность проявлялась уже в самой его внешности. Один глаз у дяди был голубой, другой — черный. Потом оказалось, что черный — стеклянный. Свой глаз он потерял, когда его посадили в тюрьму. Но за что его посадили в тюрьму?

— Ни за что, вырастешь — узнаешь, — говорил дед.

Некоторые детали Зойка улавливала из разговоров. Нашли у дяди Софрона бутылку с крестом. Деревянный крестик он каким-то образом собирал прямо в бутылке. Да Библию нашли. Вот этого и хватило, чтобы отправить человека на строительство Беломорско-Балтийского канала. Оставил он там глаз и все свое здоровье (впоследствии рано умер, в пятьдесят пять лет).

К приезду дяди Софрона все домашние относились с радостью. Зойка тоже всегда была рада ему. Частенько он привозил что-нибудь вкусненькое: леденцы, карамельки, пряники. По тем временам ценные гостинцы. А в этот раз дядя Софрон привез собаку. Собака нужна была дедушке (за что потом он и винил себя), его пес Мильтон совсем состарился. Последние два года пес просто лежал. Летом на солнышке, а зимой во дворе на сене. Всю жизнь он исправно нес свою собачью службу, дедушка был очень доволен им. «Умнейшая собака», — говорил дед. Мильтон никого не подпускал к овчинам, которые дедушка выделывал сам и вывешивал на плетень. Отгонял чужих коров от сена, зря не лаял. Так и умер бы он своей смертью, но, видно, приболел. Стал скулить, перестал есть. «Негоже ему маяться», — решил дед и избавил животное от мучений. И вот — новая собака. Это был рослый и красивый щенок по кличке Борзан, настоящая овчарка. Шерсть у Борзана была удивительно красива: пепельно-рыжая и блестящая, всегда гладкая и чистая. Для Зойки Борзан стал лучшим другом. Они ходили вместе за коровами, и Борзан, убегая вперед, отделял от стада своих Зорьку и Звездочку.

Половину пути до школы Зойка шла по горкам и сопкам. Маленькая горка чередовалась с горкой побольше. И сбегала Зойка с одной на другую. Остальной путь лежал по деревне. Пройдет Зойка из школы деревенскую часть дороги, выйдет на большую гору, остановится, крикнет громко: «Борзан!» — и ложится на траву. Ждет. И вот не проходит и пяти минут — мчится Борзан. Подбежит, лизнет в лицо и начинает осторожно потягивать за платье, за фартук. Зойка молчит, не реагирует. Садится Борзан рядом и ждет. Потом начинает поскуливать. Девочка не выдерживает, обхватывает его за шею, и катятся вместе с горки. После бегут, обгоняя друг друга. Или Зойка бросает свой «портфель» — обыкновенный ящичек в форме пенала, выкрашенный синей краской, — пробегает еще немного и останавливается. Останавливается и Борзан, смотрит на девочку и на «портфель». «Неси, Борзан», — говорит Зойка. Собака радостно мотает головой, возвращается, берет в зубы «портфель» за кожаный ремешок и мчится обратно. Зойка достает маленький кусочек хлеба, частенько наполовину с картошкой, она и такой съела бы

весь сама, но всегда оставляет собаке. Мигот тот слизывает подарок, и затем они довольные бегут домой.

Родительский дом стоял под горкой, метрах в двадцати от реки. Зимой дети скатывались на санках и лыжах к самому крыльцу. А весной Зойкина мать и дедушка всячески отводили от дома ручьи, бегущие с горки. При дружной весне и обильном снеге вода грозила затопить дом.

Эта зима прошла быстро. Идет Зойка кататься на лыжах, на санках, носит воду из проруби, а Борзан семенит около нее. Всегда и везде вдвоем. Весна пришла дружная и теплая. Вся горка перед домом покрылась травой-муравой. Зойка часто разметала метлой эту горку, и та казалась сплошным зеленым ковром. Сразу на пригорке, рядом с домом, жила соседка Мария с двумя детьми.

Борзан за зиму вырос. Был таким добрым и доверчивым, что дедушка говорил: «Ласковецкая собака. Все понимает». Теперь они играли с Зойкой на своей горке.

К соседке стал часто приходиться ее брат, года на два старше Зойки. И они все вместе валялись на траве, прыгали и бегали. Визг, шум, собачий лай стояли на улице, пока Зойку не звали домой. Все повторилось и в тот роковой майский вечер. Опять догонялки, крики, лай. В какой-то момент Мишка, догнав Зойку, так сильно ее толкнул, что, падая, она больно ушибла ногу. И вскрикнула, видно, тревожнее обычного. Вот эту-то маленькую нотку тревоги и уловил Борзан. Мишка еще тащил Зойку за рукав, как вдруг собака сильным рывком оттолкнула его и схватила за ногу. Ниже колена образовалась рана. Небольшая, но добрый клочок кожи был вырван. Что тут началось!

Мигот прилетела сестра Мишки, посылая проклятья в адрес собаки и ее хозяина. Отправив брата на попутной телеге домой, соседка снова вернулась ругаться. Дедушка уже привязал на цепь бедного Борзана, а та все грозила, что не жить волкодаву. Красивое ее лицо стало красным, перекошенным от злобы и ненависти.

— Порешат собаку. Прибежит Поликарп (Мишкин отец) с ружьем и убьет. Я его знаю, — сказал дедушка.

Зойкина мать предложила спрятать собаку во дворе, но дедушка сказал, что Поликарп найдет ее и там. В школу Зойка уходила с такой тревогой, что сил не хватало отсидеть последний урок.

Не выдержав, она без передыху помчалась домой. Как передать то состояние ее, когда она увидела страшную по своей жестокости картину. Овчарка лежала головой вниз. Зад ее был на пригорке, а вот голова... Голова была огромных размеров. Один глаз закрыт, а вместо другого — кровавая дырка. Зойка упала рядом с собакой и зарыдала. Но прикоснуться к голове животного боялась. Борзан был жив, но, видно, без сознания. Вышел дедушка, попытался увести Зойку в дом, но она стояла на коленях перед собакой, ничего не соображая. Уже не кричала, а шептала с подвываниями: «Борзанчик, миленький, не умирай! Прости меня, пожалуйста, это из-за меня тебя побили. Не умирай!» Борзан вдруг чуть-чуть приоткрыл второй глаз, но тут же закрыл снова. Зойка заметила, что он весь залит кровью. Она вскочила, решив, что псу еще можно помочь. Голова собаки лежала ниже туловища, да еще на пригорке. Надо как-то поместить голову выше. Она принесла четыре кирпича, положила по два с промежутками между ними, сверху фанеру, спросила у матери сумочку с куриным пером, выпросила и старый платок.

— Мамочка, помоги мне перевязать его. У него же вся рана открыта, и мухи уже садятся!

— Не проси, доченька, я не могу. Боюсь.

Зойка опять заревела и пошла рвать подорожник. Принесла его, достала из печки чайник и обварила листья кипятком. На подорожник посыпала истолченный стрептоцид. Взяться за воспаленную и разбухшую голову овчарки было страшно, да и боялась девочка причинить лишнюю боль. Но надо. Она положила на фанеру мешочек с пером и стала осторожно поднимать собаке голову. Положила. Теперь голова находилась выше туловища, и Зойка надеялась, что так Борзану будет легче. Еще надо перевязать. Но как? Свернув платок по длине концов, она примерила его, не прикладывая к голове. Наконец, решилась. Осторожно наложила подорожник со стрептоцидом. Прижала платком. Узел получился не там, где хотелось, но платок держался.

Ночью Зойка почти не спала, вскакивала, кричала. «Господи, все рехнемся!» — причитала мать. На следующий день была суббота. Зойка в школу не пошла. Мать промолчала. Борзан лежал

в той же позе. Платок держался. Зойка услышала как бы стон, побежала к деду:

— Дедушка, он стонет, он хочет пить!

— Вот что я скажу тебе, девонька. Если хочешь, чтобы он поднялся — престань нюнить. Собака, она, брат, все чувствует. А от твоих слез у нее еще нутро заболит. А так, может, сердце вытянет. Будешь реветь — навряд ли, — сказал дедушка.

Зойка обещала не плакать. Всхлипывая, она налила в чашку молока, взяла ложку и пошла к Борзану. Чуть-чуть приоткрыла ему пасть и начала вливать ложкой молоко. В воскресенье она сменила повязку, снова поила молоком. В понедельник пошла в школу, но в середине занятий расплакалась, сказала нездоровой и ушла домой. Зойка решила переодеться и снова попить собаку. Двери в сени были открыты, и девочка услышала за дверью материн голос:

— Добей его, тятя, он не оживает и не умирает. Захворает девочка.

— Не могу, Варька (так дедушка называл дочь), не проси. Рука не подымет. Я уж и на улицу только по нужде хожу: глядеть на его голову не могу. Страшно. Сам диву даюсь, как еще он живет, — говорил дед

Зойка вбежала в избу и бросилась к деду:

— Дедушка, родненький, не убивай! Я тоже тогда умру, не убивай! Он выживет!

— Не буду, не реви. Я и сам не знаю, как переживем эту кару, — говорил дед, обнимая Зойку и вытирая ей слезы.

Зойка снова отправилась поить собаку. Прошла еще неделя. И в воскресенье, когда Зойка стала поить Борзана из ложки, он сам начал глотать, и выпил все молоко. Окрыленная Зойка прибежала к деду.

— Накроши ему к вечеру крошечек, — сказал тот.

Вечером Борзан съел немного размокших крошек. Голова уменьшилась в размерах, отек спадал. Через месяц собака совсем поправилась.

Зато теперь не было и речи, чтобы отпустить Борзана с цепи. С такой настороженностью и злобой встречал он каждого, кто приходил, что шерсть у него становилась дыбом, а един-

ственный глаз сверкал ненавистью. Но Зойке и всем домашним он был беспредельно рад.

Однажды, когда пришла соседка Мария, он так лаял и рвался с цепи, что дедушка сказал:

— Пиши, дочь, письмо Софрону. Презлымская стала собака. Покусает кого, а то и совсем порвет. Пусть приедет и увезет ее на пасеку.

Осенью, как только выпал первый снег, приехал дядя Софрон. Борзан даже его подпустил со злым и осторожным рычанием. Потом узнал и сдержанно завилял хвостом.

— Эх, довели тебя! На всех бросаешься. Терпи, брат. Люди — это разнотравье: есть и горькая, и ядовитая, и сладенькая. А лопух? Швыряют его, топчут, а он какой полезительный. Я на всякий люд насмотрелся, а все едино — нельзя озлобляться. Одному еще хуже, — говорил дядя Софрон, а сам гладил собаку.

Зойка знала, что не видать ей больше своего четвероногого друга. Понимал это, видно, и Борзан. Зойка присела возле него, обняла, заплакала. Борзан заперебирал лапами.

— Ну, хватит, а то завоюет еще. Иди в избу, — резко сказал дядя Софрон.

Зойка перестала реветь, обняла собаку и доехала с ней в обнимку до той сопочки, где ее всегда встречал Борзан...

То горе помог пережить Зойке дедушка. Теперь его нет. Но спасибо тебе, судьба, что дала ей такого сердечного, доброго человека.